

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б88

Бронников, Андрей Эдуардович.

Б88 Разведчики специального назначения: из жизни 24-й бригады спецназа ГРУ / Андрей Бронников. — Москва : Родина, 2019. — 272 с. — (Люди специального назначения).

ISBN 978-5-907255-47-0

Неофициальный девиз спецназа ГРУ: «Выше нас только звезды». Разведчиков готовили к выполнению практически невыполнимых задач. Например, тайно проникнуть в «режимный» (въезд только по спецпропускам) город Краснокаменск и имитировать диверсию на горно-обогательном комбинате, где происходило обогащение урановой руды. В другой раз нужно было «взорвать» здания горотдела КГБ и городской АТС.

Качество своей подготовки разведчикам довелось проверить «за речкой» — в Афганистане. Так, в 1987 году им было приказано добыть экземпляр американского ПЗРК «Стингер». Добывшему этот трофей министру обороны пообещал звание Героя Советского Союза.

Воспоминания автора об учебных и боевых буднях 24-й дивизии спецназа сопровождаются портретами его сослуживцев — и ставших легендами спецназа, таких как Олег Онищук, Евгений Сергеев, Евгений Быков, и практически безвестных героев.

В этой книге нет ни одного вымышленного события или эпизода, все герои реальны, однако имена некоторых из них изменены по этическим соображениям.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907255-47-0

© Бронников А., 2019
© ООО «Издательство Родина», 2019

Офицерам СпН ГРУ посвящается

*Выражаю особую благодарность моим друзьям,
подполковнику Барсукову и подполковнику
Зайкову, за помощь в написании романа*

Автор

Нам не забыть ни дни, ни ночи те,
Ни те суровые года.

Но здесь мы ставим многоточие,
Все остальное — ерунда...

Г. Сукачев, песня «Лейтенанты»

Глава 1

Ранним утром в среду 5 ноября 1980 года пассажирский поезд едва притормозил на небольшой станции, затем вновь начал набирать ход и через несколько мгновений исчез в морозной темноте, оставив на перроне единственного сошедшего пассажира — юного лейтенанта в парадной шинели с голубыми петлицами и эмблемами воздушно-десантных войск. Офицер подхватил тяжёлый чемодан с нехитрыми лейтенантскими пожитками и направился к обветшалому зданию вокзала с необычным названием «станция Борзя».

На душе у него было тревожно и пасмурно, а резвая и бодрая походка определялась лишь морозом и бравадой, воспитанной годами курсантской учёбы в Рязанском воздушно-десантном училище. Совсем недавно лейтенант закончил легендарную, широко известную в узких кругах 9-ю роту факультета специальной разведки ГРУ. В предпи-

сании была указана войсковая часть 55433 — 24-я бригада специального назначения, куда и направлялся лейтенант. Судя по документу, войсковая часть с указанным номером дислоцировалась на станции Борзя Читинской области, оставалось лишь узнать адрес и представиться командованию.

Лейтенант решил дождаться рассвета и затем уже направиться на поиски указанной войсковой части. Полутёмный зал ожидания встретил его теплом и тишиной. Хмурые забайкальцы давно привыкли к многочисленным военным и не проявили ни малейшего интереса к его появлению. Если верить профессору Ламброзо, то почти каждого из обитателей вокзала можно было отнести к преступникам. Как оказалось, это первое впечатление, вызванное тревожным настроением лейтенанта, было обманчивым. Но тогда исключением показались лишь несколько модно одетых женщин. Как впоследствии догадался лейтенант, это были офицерские жёны, которых местное население почему-то называло «овчарками». Юный офицерик поставил чемодан возле окна и прижался спиной к тёплой батарее. Среди угрюмой массы пассажиров его внимание привлёк невысокого роста коренастый мужчина в полушубке и мохнатом треухе. Он явно не поддавался никакой квалификации. На подопечного Ламброзо мужчина не тянул, на военного тоже. Было очевидно, что лейтенант также был им замечен. Мужчина быстро вышагивал вдоль кассовых окошек, поглядывая в тёмный тупик коридора, из которого раздавались громкие звуки пьяного веселья. Хотя обитателей угла не было видно, об их уголовном происхождении можно было догадаться и без теории Ламброзо.

Мужчина в полушубке, изменив маршрут движения, проходя мимо лейтенанта, сквозь зубы процедил:

— Прикроешь меня сзади.

Офицер растерялся и вопросительно посмотрел на мужчину, а тот, раздосадованный его непонятливостью,

вернулся и так же едва слышно, но уже более членораздельно повторил:

— Старший оперуполномоченный Серюков, прикro-ешь меня сзади.

Затем, уже не глядя в сторону лейтенанта, решительно направился в сторону тёмного закутка. Офицер всё понял и уже стоял лицом к остальным пассажирам и спиной к оперуполномоченному. Серюков ворвался в пьяную компанию и заорал:

— Встать!

Мгновенно определив, кто среди них главный, он левой рукой нанёс ему сильный удар в челюсть. Главарь упал на колени. Тут же вновь последовала команда:

— Встать!

Набыченный громила, не услышав крика, но подброшенный яростью и желанием уничтожить нападавшего, ринулся вперёд, но тут же рухнул, получив удар ногой в голову.

— Встать! — вновь прокричал Серюков. Главарь этого опять не услышал, только по другой причине — недвижимый, он валялся на полу. Вся его команда, воспользовавшись замешательством, на четвереньках попыталась скрыться, но была остановлена следующей командой оперуполномоченного:

— На пол!

В этот момент из поста линейного отделения милиции, привлечённые шумом, высыпали три милиционера. Серюков выхватил красное удостоверение и продолжил:

— Вы что, сволочи! Дармоеды! ... Взять их!

Он и в ругательствах был краток и столь же убедителен. Милиционеры бросились обыскивать задержанных, дрожащими руками пытались надеть на них наручники. Вмешательства лейтенанта не потребовалось, но и знакомство с отчаянным опером не состоялось. По громкой связи объявили о прибытии поезда Краснокаменск—Чита, и Серюков, весело подмигнув лейтенанту, как будто ничего не произошло, скрылся за дверями.

* * *

Теперь, когда с того момента прошло тридцать лет, то есть столько же, сколько с момента окончания Великой Отечественной войны до моего поступления в училище, уже с трудом верится, что тем юным лейтенантом был я. Откуда берутся эти фантазии по мотивам собственной жизни? Почему радость, пройдя сквозь метели холодных лет жизни, остывает, а горечь потерь остаётся прежней? Почему самые трудные периоды нашей жизни по истечении многих лет оказываются самыми счастливыми? У меня нет ответа.

Будучи желторотым курсантом в те мирные семидесятые—восьмидесятые годы, я, глядя на убелённых сединами ветеранов, возлагающих цветы на могилы своих друзей, и подумать не мог, что через много лет и сам, возведённый молодыми в ранг ветерана, буду отдавать дань погибшим своим однополчанам и однокашникам. Друзей моих теперь разбросало по свету, нас разделили границы и тысячи километров. Уже нет той страны, которой мы честно служили, но память, она всегда со мной, и эта документальная повесть — лишь попытка сохранить их имена, отдать дань уважения офицерам и бойцам, служившим когда-либо в войсках специального назначения ГРУ.

Я благодарен им за то, что они делили со мной все трудности службы, одним — за то, что помогли написать эту книгу своими воспоминаниями, другим — за то, что оставили о себе светлую память, не давая забыть ту службу, честную дружбу, не испорченную материальной заинтересованностью. В этом романе нет ни одного вымышленного эпизода или действующего лица, лишь имена некоторых, по вполне понятным причинам, изменены. Детали, конечно, плод моей фантазии, но... это всего лишь детали.

Глава 2

Зима в Забайкалье всегда приходит рано и неожиданно, но не первым снегом, а трескучим морозом. За пять лет службы я полюбил Забайкалье, родину моего отца и деда. Этот край лишь внешне хмур и неприветлив, так же как и его обитатели. Готовность прийти на помощь, бескорыстие и преданность тому, кого уважают, — отличительные черты забайкальцев. В дальнейшем у меня не раз будет возможность убедиться в этом.

Однако такое уважение можно завоевать лишь справедливостью и честностью, а это, согласитесь, не так уж и просто.

В то морозное утро я шёл вдоль пустынной улицы, сгибаясь под тяжестью чемодана, и удивленно разглядывал покрытые изморозью, потемневшие от времени брусовые дома. На парящей теплотрассе, проложенной над поверхностью земли, тут и там свисали сталактиты застывшей ржавой воды. Я уже успел замёрзнуть, не имея ближайшей цели своего путешествия, подумывал о том, где можно было бы погреться. Хромовые, начищенные до блеска сапоги тепла не придавали, а курсантский кураж не позволял опустить клапана у новенькой шапки. Наконец, впереди появилась фигура женщины в лёгких унтах и телогрейке. Бурятка, резво перебирая явно приспособленными для верховой езды ногами, двигалась мне навстречу.

— Простите, — остановил я её. Мне показалось, что она впервые слышала такое слово, но тем не менее я продолжил: — Скажите, пожалуйста, где здесь находится десантная часть?

Спросить я мог только о расположении воздушно-десантной части, поскольку в те времена слово «спецназ» было под строгим запретом. Однажды прапорщик нашей части, войдя в ресторан и увидев своих однополчан, радостно заорал на весь зал: «Здоров, спецназы!»

На следующий же день имел несчастье в особом отделе держать ответ за раскрытие военной тайны. Отделался всего лишь глубоким испугом. Это сейчас «спецназов» уйма развелась (в том числе и достойных), а тогда был один — спецназ ГРУ, или войска специального назначения ГРУ ГШ.

Бурятская женщина посмотрела на меня и с непроницаемым лицом ответила:

— Однако, паря, дуй-ка в госпиталь. Может, там чё узнаш.

Её ответ меня обескуражил. Во-первых, я не сразу понял её специфический говор, а во-вторых, что значит «там чё узнаш»?

Больше по жестам, чем по её речи, я уяснил-таки дорогу и через несколько минут был уже на КПП госпиталя. С мороза мне там показалось очень тепло. Сидевший за стеклом чумазый боец даже не потрудился подняться. Меня это покорило, но лишь настолько, насколько я за время отпуска перестал чувствовать себя курсантом. В тот момент мне было не до офицерских строгостей. Разъяснений от бестолкового бойца получить не удалось.

Положение спас шедший на службу подполковник медицинской службы. На мгновение он задумался и выдал обескураживающую информацию, что в радиусе ста километров воздушно-десантных частей нет. Забегая вперёд, скажу, что оторванные от армейской действительности офицеры строевой части училища ошиблись с населённым пунктом. Уже на выходе с КПП подполковник повернулся и добавил:

— Там, возле магазина, сейчас санитарный кунг стоит. Водитель с воздушно-десантными эмблемами, может, ваш?

Я, обрадованный, помчался туда, забыв про мороз. Машина, на моё счастье, была ещё там. Постучав в окошко кабины, разбудил дремлющего водителя и спросил:

— Войсковая часть 55433 ваша?

— Ну, — отозвался заспанный боец.

— Что «ну»? — парировал я, начиная нервничать от подобной наглости военнослужащего срочной службы.

— Ну, наша, — лениво пояснил он.

— Слава богу! — воскликнул я, мгновенно забыв о раздражении.

В этот момент подошел лет тридцати старший лейтенант, как выяснилось позже — начальник медицинской службы бригады. Это только потом, прибыв к месту дислокации части, я осознал, насколько мне повезло. Без этого счастливого случая почти наверняка пришлось бы возвращаться в Читу в штаб округа.

Деловой до полного безразличия к окружающим молодой старший лейтенант медицинской службы без лишних разговоров запихал меня в кунг и тут же забыл о моём существовании. Посетив попутно не одну воинскую часть, в бригаду мы вернулись поздно вечером. Благо, в кунге было тепло.

После двенадцатичасовой болтанки в машине, глубоким вечером полностью обессиленный и деморализованный, в обнимку со своим чемоданом я вывалился возле единственного пятиэтажного дома.

Бригада располагалась между двумя сопками посреди леса, в восьми километрах от ближайшего населенного пункта под названием Хара-Бырка. Ранее там дислоцировалась одна из позиций ракетной дивизии стратегического назначения, которые всегда старались разместить как можно более скрытно. Это местечко именовалось 23-я площадка. По договору ОСВ, 1 ракетная база, дислоцировавшаяся здесь ранее, подлежала уничтожению, что и было сделано. Шахты стартовых установок взорвали, но военный городок был полностью пригоден к проживанию. Почти пригоден. Первый комбриг подполковник Эдуард Михайлович Иванов во время охоты случайно обнаружил это место, и после согласования с вышестоящим начальством бригада переехала сюда из поселка Мирный.

Вид на 23-ю площадку в/ч 55433

Этот населённый пункт и был первым ППД* бригады. После того как часть переехала на бывшую ракетную площадку, офицерские семьи долгое время оставались жить в посёлке. Офицеров доставляли к месту службы на автобусе. Вечером в девятнадцать часов он отправлялся обратно. Те, кто опаздывал, оставались ночевать в бригаде. Были в этом отрицательные моменты, но зато и без надобности на службу не вызывали, что с успехом практиковалось в дальнейшем. Название «Оловянная-4» было лишь почтовым адресом военного городка части. Может быть, поэтому существует так много разночтений по поводу мест дислокации 24-й бригады.

«Полковой» врач, так и не вспомнив о моём существовании, удалился в направлении светящегося уютными окнами ДОСа. Санитарный автомобиль, из которого я только что выгрузил свои пожитки, тоже уехал. Чувствуя себя курсантом первого курса, вырванным из привычной среды, я стоял одинокий под чёрным небом Забайкалья и не

---

* ППД — пункт постоянной дислокации.

23-я площадка

знал, что предпринять. После минутного замешательства, опознав КПП по звёздным воротам, я двинулся в часть искать дежурного офицера.

На КПП бодро вскочил боец за маленьким окошком и даже не спросил пропуска, но мне уже было не до того. Я вышел на улицу и побрёл вверх по бетонной дорожке к ближайшему зданию. Мимо проходили офицеры, почти не обращая на меня внимания. Лишь один из них пробурчал:

— О, новенький.

— Где штаб? — робко спросил я его, и вместо ответа капитан махнул рукой в неопределённом направлении и тоже ушёл. После этого стало совсем уж тоскливо. Вдруг откуда-то сзади до меня донёсся радостный возглас:

— Ну, наконец, наши приехали!

Я, удивленный мыслью о том, кому это я своим приездом мог доставить столько радости, оглянулся. Ко мне бежал с распростёртыми объятиями невысокого роста

старший лейтенант Евгений Сергеев, и это меня удивило вдвойне. Обладая занозистым характером, в училище, будучи курсантом-выпускником, он не баловал нас, первокурсников, особым вниманием, а скорее наоборот — игнорировал. Его горячее приветствие растрогало меня и слегка обескуражило, а он, понимая моё состояние, ободрил:

— Не ссы, щас всё устроим.

Перехватив проходящего мимо бойца, всучил ему мой чемодан и тоном, не терпящим возражений, распорядился:

— Это ко мне и быстро!

Взял меня под руку и тут же начал вводить в курс дела, рассказывая о вакансиях, характеризуя ротных и давая полезные советы. Из его пространного монолога я не запомнил ни слова, но... Но! Но я почувствовал себя в своей среде и начал успокаиваться. Пока он говорил, мы подошли к двухэтажному кирпичному зданию и по высокому крыльцу поднялись сразу на второй этаж. Распахнув дверь одной из комнат, Женя провозгласил:

— Ну, вот и наши начали подтягиваться.

В комнате я увидел ещё несколько знакомых лиц, моих старших товарищей, тех, что окончили училище раньше меня. Улыбчивый Боб Месяцев пожал мне руку, за ним радостно поприветствовали остальные.

После такого радостного приёма я сразу почувствовал себя в родной стихии. Если раньше, в училище, курсанты разных курсов друг с другом не общались, кроме как по службе, вращаясь на разных орбитах, то здесь было всё по-другому. Многих я здесь, во время офицерской службы, узнавал заново.

Всегда в спецназе ГРУ существовало негласное противостояние между выпускниками двух училищ. Дело в том, что основной кузницей кадров для подразделений разведки были Рязанское воздушно-десантное училище (9-я рота, а затем после расширения целый батальон) и Киевское общевойсковое. Рязанское училище готовило

офицеров по прямому назначению — для спецназа, Киевское — для общевойсковой разведки. «Рязанцы» по праву считали себя истинными спецназовцами, имея опыт парашютных прыжков и обученные по программе подготовки специальной разведки. В дальнейшем с приходом опыта и «киевляне» становились опытными разведчиками, но поначалу разница была ощутимая.

Кроме того, выпускники Рязанского училища с курсантских «младых ногтей» понимали, что тут карьеры не сделаешь, генеральских должностей практически не было, поэтому служили «за спецназ», а не «за карьеру». У «киевлян» было несколько иное видение, что само по себе не возбраняется, но разница в подходе к службе была ощутимая.

В основе неформального воспитания «рязанцев» лежали традиции фронтовых разведчиков Великой Отечественной войны, которые отличались лихим пренебрежением к опасности, а равно и к дисциплине, так как у истоков создания войск специального назначения как раз и были те самые боевые разведчики. То же самое можно было сказать о воспитании курсантов факультета спецназ, но это тема для отдельного повествования.

Могут только для примера сказать, что среди развлечений была так называемая «курсантская рулетка». На стрельбище курсанты становились в кружок вокруг костра и бросали туда боевой патрон, стоически ожидая, когда он выстрелит и куда полетит. После того как пуля ударила в пустое ведро возле ноги Кости Кожмякова, развлечения такого рода прекратились.

В училище курсанты факультета специальной разведки от первого до четвёртого, выпускного, курса учились и жили вместе. По службе старшие товарищи ходили дежурными по подразделению, младшие — дневальными, и все друг друга знали. Старшие негласно опекали младших. Причём деление было следующее: третий курс

шефствовал над первым, четвертый — над вторым. Однажды я в начале учёбы, едва вернувшись с курса молодого бойца, в столовой училища во время обеда, громыхая тяжёлыми сапогами, пошёл за чаем. Едва взявшись за огромный чайник, понял, что на него претендует курсант инженерной роты второго курса. Без чая оставаться не хотелось, и руку я не убрал. Курсант начал грозно на меня надвигаться. В этот момент за ближайшим столиком четверокурсник Худяков, лениво повернувшись, многозначительно посмотрел на моего соперника, и тот, все поняв, исчез. Однако, проявляя сдержанную заботу, курсанты старших курсов строго спрашивали с нас по внутренней службе, снисходительно относясь к нарушениям воинской дисциплины, нарочито ворча что-то вроде: «Оборзела молодежь».

Но и здесь всё работало по принципу «что положено Юпитеру, не положено быку». Каждый знал своё место, и «борзость» первого курса не шла ни в какое сравнение с тем, что могли позволить себе выпускники.

Весть о прибытии новенького быстро облетела офицерскую общагу. В комнату стали заходить для знакомства «бывалые» лейтенанты, как выяснилось чуть позже — выпускники Киевского ВОКУ, прибывшие месяцем ранее. Забота Жени обо мне не закончилась. Этого же бойца, что приволок мой чемодан, Сергеев вновь куда-то отправил, и через некоторое время тот вернулся со свёрнутым матрасом и быстро застелил мне постель. Я по старой курсантской привычке снял одеяло, чтобы вытрясти его, и тут заметил какую-то серую пыль на простыне.

Это уже много позже я понял, что серой пылью на простыне были вши, но тогда на мне это никак не отразилось. Справедливости ради надо сказать, что это не было обычным явлением, с которым никто не боролся. Наоборот, боролись, и достаточно успешно, но время от времени педикулёз проникал в часть с постельным бельем из армейской прачечной в поселке Безречная.

Пока я обустроивал свой ночлег, на столе появилась сковорода жареной картошки, хлеб и пустые солдатские кружки. Мои приятели сидели напротив рядком на кровати и выжидательно смотрели на меня. Сперва я не сообразил, в чём тут дело. Потом меня осенило, и я, хлопнув себя ладонью по лбу, достал из чемодана три бутылки водки. Женя, назидательно подняв указательный палец вверх, воскликнул:

— Вот! Я же говорил! Ну не мог выпускник 9-й роты РВДКУ приехать с пустыми руками!

Празднование моего приезда, а заодно и Дня военной разведки, который совпал с моим прибытием, началось.

* * *

*5 января 1987 года. Афганистан,
провинция Кандагар*

Раннее январское утро было разбужено гулом вертолётных двигателей. Две «рабочие лошадки» МИ-8, поддерживаемое парой МИ-24, растревоженными осами мчались вдоль бетонного шоссе. Разведчики сосредоточенно думали каждый о своём. Руководитель операции заместитель командира Шахджойского батальона майор Сергеев, сидевший за пулемётом на месте бортстрелка, внимательно смотрел в сторону гряды сопок, виднеющихся вдали. Вот-вот вертолёты, согласно маршруту, должны были свернуть под прямым углом с бетонки в Мельтанайское ущелье.

Группа летела в район кишлака Джилавур. Район был удалённый, находился на стыке зон ответственности Кандагарского и Шахджойского отрядов. Добираться сюда было проблемой и для тех, и для других, поэтому «духи» чувствовали себя здесь вольготно. План операции был прост: десантироваться, организовать засаду и затем быстро уйти, чтобы появиться здесь снова недели через две, когда душманы успокоятся. Такими нечастыми, но посто-